

*Л. Е. Шапошников**

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. Н. МИЛЮКОВА

В данной статье анализируются философско-педагогические взгляды П. Н. Милюкова. Милюков претендовал на создание научной теории прогресса, которая, по его мнению, преодолевает многочисленные предрассудки, существовавшие в исторической науке. Однако, как показано в статье, мыслителю не удалось преодолеть противоречия в интерпретации истории. Заявляя об эволюционном развитии общества, он подчеркивает, что, несмотря на определенное своеобразие тех или иных этносов, в целом их развитие «будет по необходимости одинаковым». Этот тезис стал ключевым для ученого — именно с этих позиций он критикует славянофильство. С его точки зрения, подчеркивание своеобразия отечественной истории, принципиального отличия ее пути от пути развития Запада не только ошибочно, но и «в высшей степени вредно». Находясь на позициях европоцентризма, Милюков отвергает все достижения русской истории, которые не вписываются в европейский образ жизни. Он бездоказательно утверждает тезис о принципиальной отсталости России от передового Запада. Мыслитель считает мифом утверждение об особой религиозности русского народа, о решающей роли православия в формировании национальной идентичности. Характеризуя образовательную политику русского государства, он также делает акцент на ее вторичности по отношению к образовательной системе Запада. В качестве достижений либерального идеолога можно отметить наличие в его трудах фактографического анализа эволюции российской системы образования на основе большого фактического материала, связанного с отечественным образованием, и обширной библиографии.

Ключевые слова: либерал, Запад, Россия, западники, славянофилы, философия, прогресс, школа.

* Шапошников Лев Евгеньевич — д-р филос. наук, проф., shaposhnikov_le@mininuniver.ru, заслуженный деятель науки РФ, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина.

Lev E. Shaposhnikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor, shaposhnikov_le@mininuniver.ru, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

This given paper analyzes the philosophical and pedagogical views of P. N. Milyukov. Milyukov claimed authorship in developing a scientific theory of progress, which, in his opinion, is able to overcome numerous prejudices existing in historical science. However, as shown in the present article, the thinker failed to overcome the contradictions in the interpretation of history. Advocating the evolutionary development of society, he emphasizes that, despite a certain uniqueness of some ethnic groups, their overall development will be the same under certain circumstances. Exactly this belief became the key for the scientist, and led to the critique of Slavophilism. From Milyukov's point of view, emphasizing the uniqueness of domestic history and its fundamental difference from the Western way of development are not only erroneous, but also "highly harmful". Being in the position of Eurocentrism, Milyukov rejects all the achievements of Russian history that do not fit into the European system of values, and rather unsubstantiatedly asserts Russia's falling behind the advanced West. The scholar considers the outstanding religiosity of the Russian people as well as the unique role of Orthodoxy in the formation of the national identity to be a myth. Characterizing the educational policy of the Russian state, he also highlights its inferior status compared to the educational system of the West. In terms of Milyukov's contribution to the philosophical and educational studies, his analysis of the evolution of the Russian educational system based on a large amount of factual material related to the domestic education and an extensive bibliography could be singled out.

Keywords: liberal, the West, Russia, Westerners, Slavophiles, philosophy, progress, school of thought.

Идейное наследие П. Н. Милюкова не раз было предметом изучения, но акцент при этом делался на его политической деятельности и специфике отечественного либерализма. Данный факт не случаен, так как

«судьба поставила Милюкова на скрещении исторических путей России. Она сделала его центром притяжения и отталкивания идей, страстей, интересов. Милюкова преследовали, травили и оскорбляли. Словом и действием. Справа и слева» [2, с. 281].

При этом исследование его исторических, культурологических, философских установок отходило на второй план. Возьмем, например, юбилейный сборник, вышедший в Париже к семидесятилетию мыслителя: из восьми его разделов лишь один посвящен П. Н. Милюкову как историку [13, с. 39–98]. А в материалах Международного научного colloquium «Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943)», которые были изданы к 150-летию мыслителя, о значении научных достижений говорится лишь в выступлении Ф. А. Гайды «П. Н. Милюков: историк в политике» [4].

В монографиях, вышедших в постсоветский период, посвященных лидеру кадетов, содержится интересный, оригинальный материал, привлекаются архивные источники, воспоминания современников. Но их авторы (такие как М. Г. Вандалковская, Н. Г. Думова, Ф. А. Гайда, Г. И. Чернявский, А. А. Дубова и др. [1, 5, 3, 18]) вновь делают акцент на социально-политической деятельности мыслителя. И если его исторические взгляды хотя бы бегло анализируются, то историософские установки в основном остаются без внимания, хотя, безусловно, заслуживают его.

Интерес к гуманитарному знанию predetermined поступление Милюкова на историко-филологический факультет Московского университета, после окончания которого он был оставлен для подготовки к магистерским экзаменам на кафедре русской истории. П. Н. Милюков был учеником В. О. Ключевского, который, по мнению ученика, затмил «остальных блеском своих лекций и глубиной перестройки всего схематизма русской истории» [11, с. 71].

П. Н. Милюков настороженно относился к философии, и поэтому, как он писал, «слово “философия” я сам никогда не прилагал к истории». Однако из этого не следует, что философские идеи не оказывали на него влияния. Из отечественных мыслителей заметное воздействие на генезис взглядов историка оказал В. С. Соловьёв. Если говорить о западных философах, то можно обнаружить существенное влияние О. Конта на становление взглядов будущего профессора. Знакомство с его трудами, как вспоминает Милюков, проходило в то время, когда «бредили точными науками, предпочитая естественные науки гуманитарным». И Конт со своей борьбой против «умозрительных схем», за «научное знание» импонировал молодому историку. При этом он писал, что «присяжным “контистом”» он не был, но все же соглашался на отнесение себя к позитивистам, отмечая, что он у Конта «взял не столько его схему, сколько его научное направление» [11, с. 75].

Приступая к изложению собственной исторической концепции, которая наиболее полно представлена в многотомных «Очерках по истории русской культуры», Милюков призывает прежде всего избавиться от ряда «предрассудков», которые существуют в исторической науке. По его мнению, долгое время история сводилась к анализу деятельности вождей и их взаимоотношений. Теперь на первый план выступает «жизнь народной массы, по-видимому, вовсе нам неизвестная».

Сложность в понимании социума обусловлена имеющимся в нем многообразием сфер общественной жизни, что неизбежно приводит к вопросу о том, какая из них является главной и определяющей. Долгое время историки считали, что эту роль выполняет духовное начало, но, как отмечает Милюков, «в наше время все более распространяется противоположное мнение, по которому всё содержание истории сводится к развитию материальных потребностей». Однако учёный считает, что эти подходы не являются истинными, так как они оба выступают «одинаково односторонними» [8, с. 3]. Научный подход, с его точки зрения, отказывается «выводить духовное из материального» и даже «противопоставлять одно другому». Фактически он придерживается «теории факторов», когда ведущая сила исторического процесса на разных этапах определяется конкретной ситуацией. В силу этого, по мысли Милюкова, историку следует отказаться «от всякой надежды» свести многообразие «человеческих импульсов» «к какому-то первобытному единству». Все попытки при помощи философии отыскать доминирующее начало в истории приводят лишь к тому, что «обрезки человеческого духа претворяются в однородную и бесцветную массу высшего синтеза, готовую принять в умелых руках какую угодно форму» [8, с. 6].

В силу этого философия истории с ее априорными построениями должна быть заменена «научной теорией прогресса», опирающейся на статистику и социологию, т. е. на эмпирические науки.

Научная теория прогресса исходит из признания закономерностей исторического процесса. Однако, как замечает Милюков, «признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории» [8, с. 8]. Рассуждая о закономерном развитии общества, ученый делает вывод о том, что оно находится в постоянной эволюции, которая «совершается под влиянием могущественного импульса — необходимости приспособиться к окружающей среде» [9, с. 4]. Уже этот тезис показывает, что историк особое значение в развитии социума отводит материальным факторам. Но он пытается разграничить философский материализм и экономический материализм. Первый «есть один из самых плохих видов монизма», второй же «совместим и с иным монистическим мировоззрением». Исследователи творчества Милюкова уже отмечали непоследовательность учёного, так как, декларируя равную значимость ряда факторов в историческом процессе, он всё же доминантным считает экономический фактор [1, с. 12].

Весьма спорными представляются рассуждения учёного о том, что «материальный характер экономического фактора есть только кажущийся». В действительности же «явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности» [9, с. 3]. Очевидно, что свести развитие производительных сил к психическим явлениям при научном подходе, за который ратует Милюков, явно не удастся.

Признавая объективный и закономерный характер эволюции общества, историк в то же время не отвергает значение в этом процессе и личностного фактора. Последний может иметь разнонаправленные векторы воздействия на социум: или действовать наперекор эволюционной тенденции, или проявлять активность «в одном направлении» с историческим процессом. В результате «личность, как выразитель или исполнитель потребности времени, становится всемогущей».

Рассуждения о роли личности в истории заканчиваются половинчатым выводом, так как, с одной стороны, признаётся, что действия выдающихся людей «всегда наталкиваются на косность массы» и только постепенно происходит замена «общественно целесообразных поступков отдельных личностей — общественно целесообразным поведением массы». Но, с другой стороны, именно деятельность народа приводит к эволюции общества, причём нельзя «указать границы, на которых должно остановиться развитие сознательного социального поведения массы» [8, с. 18].

П. Н. Милюков пытается обосновать методологию истории, т. е. ответить на вопрос о способах познания исторических закономерностей. Он признает необходимость при анализе исторических явлений разлагать их «на простые элементы», причём «сочетания элементов при бесконечной сложности явлений будут бесконечно разнообразны». Но именно в «действии отдельных элементов» необходимо искать закономерности, а «потом уже в их сочетании». И, несмотря на то, что выявление основных исторических тенденций является необходимым условием научной теории прогресса, они все же не могут «объяснить в полной мере историческую реальность». В чистом виде эволюционные тенденции существуют лишь в теории, а для того, чтобы реализоваться в жизни, они должны учитывать «влияние географических, климатических,

почвенных и других условий». Однако, несмотря на разнообразные проявления исторической жизни, ход её «необходимо вытекает из коренных элементарных свойств эволюционных факторов и... следовательно, в любом человеческом обществе этот ход будет, по необходимости, одинаковый» [8, с. 11]. Последний тезис станет ключевым при оценке Милюковым истории России.

Рассматривая эволюцию своего отечества, он заявляет, что будет стремиться преодолеть односторонность «противоположных взглядов на ход русской истории»: речь идёт о славянофилах и западниках. Первые утверждают, что русская история есть нечто настолько своеобразное, что ничего подобного мы не найдём ни в каком другом историческом процессе, — в силу этого между Россией и Европой нет ничего общего, и существенно различаются их «национальные типы, несравнимые и несоизмеримые между собою» [8, с. 216]. Вторые, напротив, считают, что все народности проходят одинаковую лестницу общественного развития, но, поскольку Россия на путь эволюции вступила позже других европейских народов, постольку она находится «на первых ступенях этой лестницы». Поэтому современной России необходимо пройти «те же ступени, какие уже пройдены или проходятся Западом» [8, с. 220].

Милюков хорошо понимал, что вопрос о путях развития страны имеет «важное значение», так как от ответа на него «зависит наше представление о будущем России». В свойственной ему манере выступать в виде третьей стороны он считает, что в этих крайних взглядах «истина смешана с ошибкой» [8, с. 217]. С одной стороны, «ни одно национальное развитие не похоже на другое», но, с другой стороны, существуют, по Милюкову, общие для всякого социума «эволюционирующие факторы», обеспечивающие единство исторического процесса. Поэтому нельзя «сравнивать состояние России с состоянием Европы как два различных возраста», так как они развивались в различной «исторической обстановке». В то же время внутренние закономерности развития «во всяком обществе одинаковые», и в целом именно они определяют эволюцию той или иной страны. Единство исторического процесса все-таки доминирует, и, по мнению Милюкова, делать акцент на своеобразии национального развития нельзя. Более того, с такими установками надо бороться, так как «подобные идеи не только совершенно ошибочны, но и в высшей степени вредны» [8, с. 220]. Итак, заявив о том, что и в учении славянофилов есть элементы истины, учёный затем, безусловно, переходит на позицию западничества. Защищая это направление, он считает, что необходимо «взглянуть иначе на необходимость заимствований с Запада, чем смотрели на это самобытники» [8, с. 221]. Последние считали перенесение западных ценностей на русскую почву изменой нашей национальной традиции, искажением исторического пути России. С точки зрения Милюкова, «настоящей традиции у нас нет и её не может быть», так как общество находится в постоянной эволюции, а «основной ее закон есть постоянное изменение».

Следовательно, заимствование с Запада для России является не субъективным искажением её исторической традиции, а закономерным процессом. И речь должна идти не об осуждении вестернизации, а лишь о том, какие западные ценности «могут быть признаны подходящими для того, чтобы облечь в них наличное содержание данного момента народной жизни» [8,

с. 221]. Отсюда понятна апология Петра I со стороны историка: он убежден, что все попытки обвинить императора в «искажении органического развития России» несостоятельны. В своей магистерской диссертации, посвященной петровским преобразованиям, историк ставит задачу по-новому взглянуть на них. Он выдвигает тезис о том, что «европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды» [11, с. 105–106]. В силу этого даже после смерти Петра, которая «застала Россию врасплох», попытка части правящей элиты «повернуть корабль против течения» оказалась неудачной. Всё дело в том, что существовало «могучее подводное течение, которое направило корабль Петра в определённый фарватер и которое теперь по тому же фарватеру продолжало нести покинутое капитаном судно» [10, с. 182–183].

Однако у русского народа, с этой западнической точки зрения, не только нет самобытных традиций, но и отсутствуют своеобразные черты характера. Известно, что в русской литературе, в отечественной философии, фольклоре подчёркивается своеобразие русского человека, отмечаются неповторимые его качества. Однако для историка все предлагаемые характеристики народного характера являются несостоятельными. По его мнению, «наиболее выдающейся чертой русского народного склада является полная неопределённость и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья» [9, с. 6]. Подобная ситуация объясняется тем, что яркие национальные особенности проявляются только у представителей «культурной нации», а русский народ относится к тем образованиям, на которые «культура не наложила ещё резкого отпечатка».

Наконец, чтобы окончательно показать ущербность своих соотечественников, Милюков стремится «развенчать славянофильский миф об особой религиозности русского народа». Он считает, что если Западная церковь «вызвала в обществе активное отношение к теоретическим и нравственным истинам веры», то русское православие лишь хранило их «неприкосновенными под крепким замком». Акцент на Руси делался не на содержательной, а на внешней стороне религии, в силу этого «вера должна была приобрести характер обрядового формализма» [9, с. 361]. В результате всех этих рассуждений Милюков делает вывод о том, что, «вопреки общепринятому мнению, русская жизнь в её прошлом была не слишком много, а слишком мало проникнута началами веры» [9, с. 365].

Конечно, мы понимаем, что в истории русской православной церкви было и обрядоверие, и сосуществование с языческими традициями, но при этом сам образ жизни русского человека во многом определялся православными установками. Две главные отечественные концептуальные идеи («Святая Русь» и «Москва — третий Рим») были сформированы в рамках православного миропонимания, и именно они во многом определили вектор развития русской государственности. Исходя в своих построениях из либеральной схемы становления культуры и европоцентрических установок, историк далёк от реального понимания своеобразия отечественного развития. В. В. Розанов остроумно заметил, что автор «Очерков по истории русской культуры» при её

анализе отличается «угрюмой сосредоточенностью» [15, с. 315]. Действительно, чтение этого труда, по нашему мнению, оставляет весьма тягостное впечатление о нашем прошлом, причём часто оценки этого прошлого опираются на субъективное мнение, игнорирующее научные традиции.

В целом милюковские «Очерки...» имеют антиславянофильскую направленность, и их автор не раз «хоронил» это течение, но оно по-прежнему оставалось «живым и развивающимся». Данный факт В. В. Розанов объясняет тем, что «славянофильство — тяжеловесный золотой фонд нашей культуры, нашей общечеловечности и цивилизации». И его существование, как остроумно он замечает, обеспечивает «легонькие и ходкие “кредитки” нашей западнической и космополитической болтовни и фразерства. Было бы опасно быть Милюковым, — но раз есть Киреевские — можно быть и Милюковым» [14, с. 607]. Основной труд русского историка, посвященный отечественной культуре, не смог адекватно представить ее истоки и самобытные черты. Отсюда понятно замечание В. О. Ключевского, что «книгу Милюкова больше цитовали, чем читали» [7, с. 415].

Рассматривая историю русской духовной культуры, Милюков указывает, что церковь и школа являются двумя главными факторами, определяющими ее развитие, впрочем, «как и всякой другой духовной культуры». Особенностью русской истории является тот факт, что с XI по XVI вв. «вера приобрела национальный характер» и вследствие этого «русская церковь по форме стала национальной» [9, с. 20] (и этот вывод делает историк, утверждающий, что «русская жизнь... слишком мало проникнута началами веры»).

В XI–XVI вв. взаимодействие церкви и школы в Западной Европе и на Руси, по мнению Милюкова, радикально отличалось. Западная церковь, приобщая людей к христианским ценностям, «прежде всего употребила для этого школу как самое сильное средство общественного образования» [9, с. 363]. В силу этого школьное образование было весьма распространено, и руководила им церковь, а не государство. Даже в Новое время, когда именно светские власти начинают организовывать обучение граждан, традиция определенной автономии школы от государства сохраняется, и последнее «научилось ценить самостоятельность школы». Совершенно иная ситуация, по мысли Милюкова, складывалась на Руси: так как русское благочестие сводилось к «сохранению старины», к преданности «форме, букве, обряду», для этого направления «нет большего вреда... как критическое отношение к установившейся традиции» [9, с. 25]. Поэтому, в отличие от идеологов западной церкви, русские иерархи «не в науке, не в знании — видели... центр тяжести христианства», — отсюда происходила негативная оценка образования. Потому в период господства православия в духовной жизни Руси церковь «оказалась не в состоянии устроить школу не только для распространения знаний в обществе, но даже и для поддержания знаний в своей собственной среде» [9, с. 363].

Приведенные выше рассуждения явно идеализируют схоластическую средневековую школу, сводя образованность к умению логически мыслить и использовать полученные знания в утилитарных целях. В. О. Ключевский, один из лучших знатоков Средневековой Руси, подчеркивал: рациональные, то есть схоластические, методы постижения истины на Руси не были популярны, а при

обучении детей обращалось внимание на «житейские привычки, а не научные знания». Семья и храм были «школой духовно-нравственной жизни», и наши предки считали: «не тот мудр, кто много грамоте умеет, тот мудр, кто много добра творит» [22, с. 246–247].

И. В. Киреевский, анализируя древнерусское просвещение, отмечает, что оно было «не блестящее, но глубокое, не материальное, имеющее в виду удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное» [6, с. 221]. Установки европоцентризма, которые критерием образованности делали европейские стандарты, не позволили Милюкову правильно оценить своеобразие средневекового русского просвещения. В этой связи мы не можем согласиться с тезисом историка о том, что «древняя Русь не завещала... новой России никакой культурной традиции». Не случайно сопротивление консервативного духовенства, стремящегося остановить развитие светского образования, оказалось безрезультатным. Более того, в отличие от Запада, где церковь инициировала развитие школы, в России силы, которые «руководили просвещением общества», действовали «помимо нее». Причем степень их активности должна была быть высокой, так как «потребность в просвещении значительно опередила школу» [9, с. 243]. Создание образовательной системы как в светской, так и в духовной сферах стало для Петра I одной из важнейших задач, так как реализовать планы реформ без образованных людей было невозможно. Наряду со Славяно-греко-латинской академией создается Морская академия в 1715 г. Обе они, как отмечает Милюков, вскоре сделались «двумя исходными пунктами целой сети низших школ, учрежденных Петром в провинции». В этих учебных заведениях обучали арифметике и геометрии, и поэтому они получили название «цифирных школ». К 1727 г. их было более 40, они обучали более 2000 учеников.

Следует отметить, что Петр I заботился не только о светском, но и о духовном образовании. В «Духовном регламенте», принятом в 1721 г., предписывалось епископу иметь в епархии свою «школу для детей священнических или прочих в надежду священства определенных». В 1737 г. был издан указ о «приобретении епархиальными школами статуса семинарий», и через год их было 17 и в них обучалось 2589 учащихся, в 1764 г. семинарий было уже 26, а число учащихся 6000. Именно выпускники семинарий занимали преподавательские вакансии в светских учебных заведениях. И Милюков в этой связи замечает, что «духовная школа XVIII в. оказала светской ряд незаменимых услуг» [9, с. 275].

Итак, по утверждению Милюкова, XVIII в. заложил основы среднего школьного образования, то есть создал фундамент, на котором оно будет развиваться, но «низшая», народная школа «оставалась делом будущего, делом XIX века». В начале этого века школьному образованию хотя и уделялось внимание со стороны государства, но оно еще не имело стройной организации, постоянного руководства, и поэтому, как замечает Милюков, «во главе школьного дела» стояли «случайные учреждения», вызванные к жизни «единовременным и специальным поручением» [9, с. 304]. Отсутствие специального органа управления приводило к тому, что «русская светская школа не имела еще и своего собственного бюджета». К тому же различные типы учебных заведений

не были связаны друг с другом, между ними не существовало продуманного взаимодействия. Законодательная деятельность императора Александра I, как справедливо считает историк, исправила «все эти существенные проблемы в организации и системе русских образовательных учреждений» [9, с. 304].

В 1803 г. были приняты «предварительные правила народного просвещения». Они утверждали, что народное просвещение «составляет особую государственную часть, вверенную министру». Создавались учебные округа во главе с университетами, округ возглавлял попечитель, представлявший его интересы в правительстве. В губернских городах должны были открываться гимназии, курируемые университетами, а директор гимназии «был вместе с тем и директором уездных училищ», наконец, смотритель уездного училища был «в свою очередь начальником приходских училищ своего уезда» [9, с. 305]. Эта реформа значительно расширила программу полной средней школы, или гимназии, дающей право после ее окончания поступать в университет. Однако общество еще по-прежнему с недоверием относилось к образованию, и тогда появился знаменитый документ, подготовленный М. М. Сперанским, — «Указ об экзаменах на чин», который регламентировал продвижение по службе и получение чинов. Так, начиная с чина коллежского асессора для получения его чиновник должен был «выдержать экзамен в университет» [21].

В Петербурге, Казани, Харькове начинается целенаправленная подготовка учителей, которая была значительно более фундаментальной, чем прежде, «в виду большей сложности школьных программ». Для обучения преподавателей были приглашены иностранные профессора, но они читали лекции на латыни, которую плохо знали слушатели. Поэтому перед министерством народного просвещения, как отмечал Милюков, стояла двудеянная задача: во-первых, читать лекции на языке, понятном для слушателей, во-вторых, готовить отечественных профессоров, а для этого «посылать русских за границу». Обе эти программы были частично реализованы: так, например, попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров в 1814 г. ввел новые предметы в гимназии, значительно увеличив преподавание латыни, а в 1817 г. было решено «ввести уваровскую программу во всех русских гимназиях». С 1808 г. по 1827 г. за границу было послано 38 выпускников университета для научной стажировки и подготовки к профессорскому званию [9, с. 313].

В 20–30-е г. XIX в. начинается период расцвета российских университетов. Интересно отметить, что Милюков связывает этот расцвет исключительно с молодыми профессорами, направленными за границу и затем вернувшимися на родину. Однако объективные исследователи, даже те, которые не разделяли взглядов С. С. Уварова, отмечают роль последнего в развитии университетского образования, так как он «любил и вполне понимал вверенное ему дело», стараясь «возвести на ту высоту, на какую возможно было поставить его при тогдашнем направлении правительства» [19, с. 186]. Министр народного просвещения считал, что период ученичества у Запада заканчивается и русское университетское образование должно строиться на самобытных русских началах [20]. Но, как с восторгом отмечал историк, молодые ученые не выполняли эти указания, так как «привезли с собой «немецкие тетрадки» и немецкие

теории; они даже самые «начала народности» стали «выводить по Гегелю» [9, с. 323]. Старое поколение профессоров отнеслось к этим идеям настороженно, но новое поколение преподавателей «пошло вперед, не справляясь о мнении старого, и в этом был залог его успеха». Итак, разрыв с традицией, ориентация на западные ценности являются для Милюкова проявлениями позитивного процесса, обеспечивавшими его пропагандистам популярность среди студентов, так как вокруг «молодого профессора» собиралась «многочисленная симпатизировавшая ему аудитория» [9, с. 323].

С середины XIX в. (в эпоху правления Николая I) начинается последовательно проводиться политика по усилению контроля над системой образования, и прежде всего университетам. Ректор и деканы теперь назначались и освобождались от должности профильным министром. Еще более усиливался контроль содержания преподавания, и деканы должны были следить, чтобы в учебной программе «не укрывалось ничего несогласного с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений» [9, с. 327]. Несколько предметов было исключено из университетских курсов — среди них государственное право европейских держав и философия как «не отвечающие видам правительства».

С началом царствования Александра II эти ограничительные меры были отменены. Началось обсуждение новой учебной реформы, причем, как отмечает Милюков, при ее рассмотрении «правительство прибегло к услугам гласности самых широких размеров». Поэтому проект университетского Устава перед его утверждением корректировался пять раз, так как учитывались мнения и руководителей, и профессоров университетов. Наконец в 1863 г. он был утвержден императором. Широкое обсуждение сопровождало и принятие закона 1864 г. о реформе средней и низшей школы, который также был утвержден лишь в пятой редакции.

По мнению Милюкова, основной идеей нового университетского устава была «автономия профессорской корпорации»: даже попечитель уже не был всемогущим правителем, а его власть «ограничивалась общим контролем». Совет университетских профессоров становился главным органом управления, избирал ректора и деканов, окончательно утверждал ученые степени.

Дискуссия о средней школе исходила из общей установки, что она должна быть общеобразовательной, но понимание средств, которые обеспечивают достижение этой цели, различалось у разных групп — так столкнулись классицисты и реалисты. Первые утверждали, что изучение классических языков является главным средством «воспитания ума» и в силу этого решается основная общеобразовательная задача. Вторые защищали идею о необходимости «приблизить образование к жизни», а для этого мало «заниматься гимнастикой ума», необходимо приобщать учеников к положительным знаниям и идеалам. Учебный комитет, который руководил реформой среднего образования, «занял срединную позицию». Было предложено ввести два типа гимназий: «филологическую», т. е. классическую, с изучением древних языков, дающую право поступления в университет, и «реальную», которая готовила к поступлению в специализированные высшие учебные заведения, в которых требовалось знание математики и естественных наук.

В 80-х гг. XIX в. опять начался процесс нарастания авторитарных тенденций в образовании, появился в 1884 г. новый Устав университетов, упразднивший их автономию. Но остановить развитие образовательной системы было уже невозможно, так как потребность общества в образованных людях постоянно нарастала, что неизбежно повышало статус просвещения. Поэтому с конца XIX в. в обществе начинает активно обсуждаться вопрос, связанный с введением всеобщего начального образования. Поскольку Милюков особенно позитивно относился к земствам как органам народного самоуправления, то именно они, по его мнению, и стали теми учреждениями, которые предпринимали активные меры, чтобы этот «вопрос подвинуть уже к разрешению» [9, с. 354].

Подводя итог рассмотрению проблем «церковь и школа» и «вера и творчество», представленных во втором томе «Очерков...», Милюков постарался решить ряд методологических вопросов, от которых зависит «то или другое определенное отношение к целому ряду вопросов внутренней политики» [9, с. 356]. Одна из таких проблем — «отношение интеллигенции к народу». Самое простое объяснение сложившейся ситуации сводится к тому, что Россия должна была заимствовать ценности Запада, чтобы не отстать, но это невозможно было сделать для всей массы народа, и поэтому происходит «разрыв между высшим и низшим слоем русского общества». Но это же объяснение применимо и к другим странам, например к Японии, и оно «мало улавливает из индивидуальной физиономии русского культурного процесса» [9, с. 357]. Ссылка на деятельность Петра I, которая придала «местный колорит» реформам, «просто неверна».

С точки зрения Милюкова, анализируемый разрыв «произошел у нас в области веры и отсюда распространился в другие области духовной жизни». На первый взгляд, этот тезис не выдерживает критики, так как «везде в Европе тот же разрыв мировоззрений существует в большей или в меньшей степени». Поэтому речь должна идти не о том, что произошел разрыв, а о том, «как этот разрыв у нас совершился» [9, с. 358].

Рассуждая о Западной церкви, Милюков (вслед за П. Я. Чаадаевым) считает, что она придерживалась идеи «деятельного христианства». Это проявляется прежде всего в том, что в обществе формируется «активное отношение к христианским и нравственным истинам веры». И хотя в странах Европы развитие христианских верований пошло различными путями, но они были для общества все же значимой величиной. Данный факт проявлялся и во влиянии на европейское художественное творчество: даже тогда, когда под воздействием просвещения изменились взгляды на искусство, оно «долго еще продолжало служить целям старой религии, заставляя нового человека искать в ней по-прежнему удовлетворения душевных стремлений» [9, с. 362].

Наконец, западная церковь большое внимание уделяла школе как средству христианского воспитания. В силу этого «много столетий западная школа находилась исключительно в духовных руках», и этот факт способствовал ее относительной независимости от государства.

Совершенно иная ситуация, с точки зрения историка, складывалась в Русской православной церкви. В силу своих консервативных установок она лишь сохраняла верования и была слишком слаба, чтобы «принять на себя ту задачу, которую выполняла западная церковь», — по христианизации общества.

Отношение к творчеству западного христианства и русского православия, по Милюкову, также было различным. Несмотря на некоторый подъем христианского искусства на Руси в XVI в., эта тенденция не получила развития, более того, она подверглась осуждению со стороны церкви. В силу этого «самостоятельное развитие национального творчества, как и национальной веры, было остановлено в самом зародыше» [9, с. 362–363]. Поэтому у самостоятельного русского искусства отсутствовала традиция, на которую ему следовало бы опираться, и оно легко пошло навстречу «новым требованиям русской интеллигенции». Наконец, «в тесной зависимости... от особенностей русской веры стоит и история русской школы»: Русская православная церковь не смогла организовать школьное обучение, и «в результате знания проникали в общество помимо школы». Не реагируя на потребности общества в образовании, церковь «дождалась наконец того времени, когда школа понадобилась государству». Причем следует отметить, что русская школа «с самого начала своего существования стала у нас вдвойне правительственной: по своему происхождению и по своему назначению» [9, с. 364].

Итак, с точки зрения Милюкова, специфика взаимоотношений интеллигенции и народа, традиций и современности, религии и творчества, религии и школы в Европе и России «более всего объясняется различием в культурной роли их веры». Мы уже не раз отмечали, что, находясь на позициях европоцентризма, историк любые проявления творчества и образованности не в рамках западных схем отвергал. И поэтому он не видел громадной позитивной роли православия в одухотворении социальной сферы, в сохранении приоритета духовных ценностей над материальными, в развитии самобытной культуры и отечественного образования.

Эту особенность позиции П. Н. Милюкова емко охарактеризовал П. Н. Савицкий, отметивший, что ученый игнорирует определенные факты из русской истории, которые «не входят для него в общую картину», а она «должна непременно свидетельствовать об отсталости русского исторического процесса по сравнению с европейским, о его большей элементарности и бедности» [16, с. 391].

Рассматривая специфику гуманитарного знания, и в частности науки о культуре, П. А. Флоренский отмечал, что в них исследователь соприкасается «с духовной ценностью, в сохранении или в ниспровержении которой каждый непременно заинтересован, — так или иначе» [17, с. 545]. Поэтому он был убежден, что само понимание этих «духовных ценностей» не определяется исторической наукой, ибо — в принципе — интерпретация прошедших веков опирается на одни и те же приемы: они одинаковы, ибо «одинаково устройство ума человеческого». Различие же обусловлено «верами», лежащими в основе ценностных ориентаций. У одного исследователя «вера в сей преходящий мир», у другого же «вера в иной, вечный духовный мир». Следовательно, не сами факты истории, а принадлежность к церкви или борьба с церковностью «дают решающий поворот нашим историческим убеждениям и тем определяют весь уклад научной мысли» [17, с. 549].

По отношению к взглядам П. Н. Милюкова этот тезис находит наглядное подтверждение. Да он и сам признавался, что «образованный русский, в большинстве случаев, относится к своей вере совершенно безразлично» [9, с. 360].

Но, как отмечали люди, близко знавшие лидера кадетов, он не просто «безразлично» относился к православию, но отвергал «всякую религиозность, а тем более церковность» как «иррациональную и недоказуемую, лежавшую в чуждом ему мире» [2, с. 280]. Вот этот тотальный критицизм и не позволил П. Н. Милюкову дать объективную оценку истории русской культуры. В то же время написанные им «Очерки по истории русской культуры» содержат богатый фактический материал, в них анализируется законодательное творчество, посвященное образованию, приводится обширная библиография. Все это, несмотря на предвзятые установки мыслителя, делает его труд в определенной мере полезным для тех, кто занимается историей русской культуры и образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.
2. Вишняк М. В. Современные записки: Воспоминания редактора. Bloomington (Ind.): Indiana univ., 1957. 333 с.
3. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
4. Гайда Ф. А. П. Н. Милюков: историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): материалы Международного научного colloquium (Москва, 23–25 сентября 2009). М.: Любавич, 2009. С. 37–45.
5. Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости: исторический портрет П. Н. Милюкова. М.: Б.и., 1993. 238 с.
6. Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 9. М.: Мысль, 1990.
8. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1896. 228 с.
9. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1896. 375 с.
10. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. СПб: Типография Главного Управления Уделов, 1913. 187 с.
11. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 530 с.
12. Пешков А. А. Вопросы философии истории в отечественной консервативной и либеральной мысли: избранные персоналии. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2016. 256 с.
13. П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия (1859–1929). Париж: Spetsialne fond, 1929. 358 с.
14. Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.
15. Розанов В. В. Собрание сочинений. Русская государственность и общество (статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003. 526 с.
16. Савицкий П. Н. Проблемы русской истории // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / под ред. Н. И. Толстого. М.: Беловодье, 1997. С. 389–402.
17. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной феодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь, 1914. 812 с.

18. Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Милюков. М.: Молодая гвардия, 2015. 510 с.
19. Чичерин Б. Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1956) / под ред. Н. И. Подольской. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 166–306.
20. Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды С. С. Уварова // Вестник СПбГУ. Серия Философия, Конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 2. С. 320–335.
21. Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды М. М. Сперанского // Педагогика. 2020. № 3. С. 97–106.
22. Шапошников Л. Е. Философско-педагогические концепции в отечественной мысли XVIII—XXI веков. СПб: Издательство РХГА, 2022. 406 с.

REFERENCES

1. Vandalkovskaja, M. G. P. N. Miljukov, A. A. Kizeveter: istorija i politika [P. N. Milyukov, A. A. Kizeveter: History and Policy]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 285 p. (in Russian).
2. Vishnjak, M. V. *Sovremennye zapiski: Vospominanija redaktora* [Modern Notes: Editor's Memories]. Bloomington (Ind.): Indiana univ. Publ., 1957, 333 p. (in Russian).
3. Gajda, F. A. *Liberal'naja opozicija na putjah k vlasti (1914 — vesna 1917)* [Liberal Opposition on the Path to Power (1914 — Spring 1917)]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2003, 432 p. (in Russian).
4. Gajda, F. A. P. N. Miljukov: istorik v politike [P. N. Milyukov: Historian in Policy]. In: *Mysl'jashhie miry rossijskogo liberalizma: Pavel Miljukov (1859–1943): materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma*. Moskva, 23–25 sentjabrja 2009, Moscow, Ljubavich Publ., 2009, pp. 37–45 (in Russian).
5. Dumova, N. G. *Liberal v Rossii: tragedija nesovmestimosti: istoricheskij portret P. N. Miljukova* [The Liberal in Russia: the tragedy of incompatibility: a historical portrait by P. N. Milyukov]. Moscow, B.i., 1993, 238 p. (in Russian).
6. Kireevskij, I. V. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984, 383 p. (In Russ.)
7. Ključevskij, V. O. *Sochinenija: v 9 tomah. Tom 9* [Works: in 9 volumes, vol. 9]. Moscow, Mysl' Publ., 1990 (in Russian).
8. Miljukov, P. N. *Očerki po istorii russoj kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Ch. 1. Saint Petersburg, Tipografija I. N. Skorohodova Publ., 1896, 228 p. (in Russian).
9. Miljukov, P. N. *Očerki po istorii russoj kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Ch. 2. Saint Petersburg, Tipografija I. N. Skorohodova Publ., 1896, 375 p. (in Russian).
10. Miljukov, P. N. *Očerki po istorii russoj kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Ch. 3. Saint Petersburg, Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov Publ., 1913, 187 p. (in Russian).
11. Miljukov, P. N. *Vospominanija* [Memories]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 530 p. (in Russian).
12. Peshkov, A. A. *Voprosy filosofii istorii v otechestvennoj konservativnoj i liberal'noj mysli: izbrannye personalii* [Questions of the philosophy of history in domestic conservative and liberal thought: selected personalities]. N. Novgorod, Nizhegorodskaja duhovnaja seminarija Publ., 2016, 256 p. (in Russian).
13. P. N. Miljukov. *Sbornik materialov po chestvovaniju ego semidesjatiletija (1859–1929)* [P. N. Milyukov. Collection of materials for the celebration of his seventieth birthday (1859–1929)]. Paris, Spetsialne fond Publ., 1929. 256 p. (in Russian).
14. Rozanov, V. V. *Sobranie sochinenij. O pisatel'stve i pisateljah* [Collected Works. About writing and writers]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 734 p. (in Russian).

15. Rozanov, V. V. *Sobranie sochinenij. Russkaja gosudarstvennost' i obshhestvo (stat'i 1906–1907 gg.)* [Collected Works. Russian statehood and society (articles of 1906–1907)]. Moscow, Respublika Publ., 2003, 526 p. (in Russian).

16. Savickij, P. N. *Problemy russkoj istorii* [Problems of Russian history]. In: Tolstoj, N. I. ed. *Russkij uzal evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. Sbornik trudov evrazijcev*. Moscow, Belovod'e Publ., 1997, pp. 389–402 (in Russian).

17. Florenskij, P. A. *Opyt pravoslavnoj feodicei v dvenadcati pis'mah* [The Pillar and Ground of Truth: Orthodox Experience. feodicies in twelve letters]. Moscow, Put' Publ., 1914, 812 p. (in Russian).

18. Chernjavskij, G. I., Dubova, L. L. *Miljukov* [Milyukov]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2015, 510 p. (in Russian).

19. Chicherin, B. N. (1990). *Vospominanija* [Memories]. In: *Russkie memuary. Izbrannye stranicy (1826–1956)*. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 166–306 (in Russian).

20. Shaposhnikov, L. E. *Filosofsko-pedagogicheskie vzgljady S. S. Uvarova* [Philosophical and Pedagogical Views of S. S. Uvarova]. In: *Vestnik SPbGU, Serija Filosofija, Konfliktologija*, 2019, vol. 35, iss. 2, p. 320–335 (in Russian).

21. Shaposhnikov, L. E. *Filosofsko-pedagogicheskie vzgljady M. M. Speranskogo* [Philosophical and pedagogical views of M. M. Speransky]. In: *Pedagogika*, 2020, no. 3, pp. 97–106 (in Russian).

22. Shaposhnikov, L. E. (2022). *Filosofsko-pedagogicheskie koncepcii v otechestvennoj mysli XVIII—XXI vekov* [Philosophical and pedagogical concepts in domestic thought of the 18th — 21st centuries]. Saint Petersburg, RHGA Publ., 406 p. (in Russian).